

МОТИВЫ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ БОГОРОДИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О.С. Румянцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; o.rumiantseva@yandex.ru*

Аннотация: Во многих произведениях художественной литературы отмечается связь Богородицы с миром природы, что обусловлено влиянием на традиционные религиозные представления о Деве Марии мифологической картины мира. В статье демонстрируется, как обозначенная особенность проявляется в выборе номинаций Пресвятой Девы, и изучается роль мотивов природы в создании Ее образа в польской литературе. Подробно анализируются народные легенды (сборник «Королева Небес. Народные легенды о Божией Матери» под редакцией М. Гавалевича и П. Стахевича), произведения средневековой религиозной (апокриф XV в. «Пшемьское размышление» и богородичные песни) и художественной литературы разного времени создания (сборники К. Бениславской «Песни, напеваемые себе», Р. Брандштеттера «Песнь о моем Христе» и «Гимны во славу Марии», поэзия М. Семпа Шажиньского, Т. Ленартовича, В. Гомулицкого, Ц.К. Норвида, К.К. Бачиньского). Наименования, связанные с миром природы, классифицируются по стандарту сравнения: Мария сравнивается с цветами и деревьями, небесными телами, драгоценными камнями, землей и птицами. Исследуется авторский замысел таких номинаций. Так, цветы призваны проиллюстрировать Ее красоту, благородство и непорочность, деревья — величественность и могущество, птицы — чистоту и простоту, солнце и луна — неповторимость и недостижимость, а утренняя звезда — надежду на спасение. Показывается, как в именовании актуализируется античная и библейская символика, и отмечаются оригинальные, нехарактерные для религиозной традиции номинации, придающие образу национальный колорит. На основании материала делается вывод о преемственности традиции восприятия Божией Матери как части природного мира.

Ключевые слова: язык религии; художественный текст; лексическая семантика; вторичная номинация; польская литература; польский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-8

Для цитирования: Румянцева О.С. Мотивы природы как средство номинации и характеристики Богородицы в произведениях польской литературы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 93–101.

MOTIVES OF NATURE AS A MEANS OF NOMINATION AND CHARACTERISTICS OF THE MOTHER OF GOD IN THE WORKS OF POLISH LITERATURE

O.S. Rumyantseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; o.rumiantceva@yandex.ru

Abstract: In many works of fiction, the connection of the Mother of God with the natural world is pointed out, which is due to the influence of the mythological worldview on traditional religious ideas about the Virgin Mary. The article demonstrates how the indicated peculiarity reveals itself in the choice of the names of the Blessed Virgin, and studies the role of the nature motifs in creating Her image in Polish literature. Folk legends (*The Queen of Heaven. Folk legends about the Mother of God* edited by M. Gawalewicz and P. Stachiewicz), works of medieval religious literature (apocrypha of the 15th century *The Przemysł Meditation* and the Marian hymns) and fiction created in different periods (poetry books *Songs Sung to Oneself* by K. Beniśławska, *Song of My Christ* and *Marian Hymns* by R. Brandstaetter, poetry by M. Sęp Szarzyński, T. Lenartowicz, W. Gomulicki, C.K. Norwid, K.K. Baczyński) are analyzed in detail. The names related to the natural world are classified according to the standard of comparison: Saint Mary is compared with flowers and trees, celestial bodies, precious stones, and birds. The article explores how the choice of names reveals the author's intention. Thus, flowers are designed to illustrate Her beauty, nobility, and purity, trees — majesty and power, birds — chastity and simplicity, the sun and the moon — uniqueness and inaccessibility, and the morning star — hope for salvation. It shows how the ancient and biblical symbolism is actualized in the names and how the original names give the image a national flavor. Based on the material, a conclusion is made about the continuity of the tradition of perceiving the Mother of God as part of the natural world.

Keywords: religious language; literary text; lexical semantics; secondary nomination; Polish literature; Polish language

For citation: Rumyantseva O.S. (2023) Motives of Nature as a Means of Nomination and Characteristics of the Mother of God in the Works of Polish Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 93–101.

Культ Богородицы, распространенный среди польских католиков, корнями уходит в далекое прошлое: самый древний известный польский костел под покровительством Пресвятой Девы появился уже на рубеже IX–X вв. Однако, принимая христианство, народ не отказывался от своих прежних, языческих, верований, а лишь преобразовывал их. На сосуществование в образе Божией Матери чисто догматических, биологических и традиционных значений обращает внимание А. Недзьведзь в монографии «Икона и фигура. Значения образа Ченстоховской Божией Матери», объясняя его «наложением на образ Божией Матери каких-то раннехристианских верований,

может быть, связанных с четко не определяемым представлением богини природы, матери-земли» [Niedźwiedź 2005: 250]. О влиянии на народные религиозные представления архаичного культа земли как богини-матери пишут с опорой на этнографический материал авторы «Словаря стереотипов и народных символов» [Słownik stereotypów i symboli ludowych 1999: 18] и этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СДЭС 1995: 316]. Одним из проявлений синкретизма религиозной и мифологической картин мира является отмечаемая в церковной и художественной литературе связь Марии с миром природы.

Народные легенды

В народных легендах [Gawalewicz, Stachiewicz 1894] Божия Матерь, являясь частью природного мира, управляет им. Бог создал Ее из райских цветов: *Wtedy Pan Bóg [...] tchnął na kwiaty rajskie, a z nich [...] wionęła cudna z wejrzenia postać pierwszej niewiasty* [Тогда Господь Богдохнул на райские цветы, и из них в потоке воздуха появилась фигура первой женщины чудесной красоты] (24). Легенды называют Марию *Kwiat Dziewica* 'Дева-Цветок', *lilia-dziewica* 'лилия-дева', *Dziewica z rajskiego kwiatu* 'Дева из райского цветка'. Природа оживает во взаимодействии с Божией Матерью, подчиняется Ее воле: *bez Jej woli ani bez Jej wiedzy, grom nie roztrzaska ni wierzby na miedzy* [без Ее воли и без Ее ведома гром не расколется даже ивы на меже] (138). Вмешательством Богородицы объясняется в легендах даже внешний вид некоторых животных и растений. Так, змея, которая однажды напугала Пресвятую Деву, была за это лишена ног и обречена ползать: *I padalcowi nogi odpadły zaraz, [...] od owego czasu ma wielki respekt przed Najświętszą Panną* [И тотчас отпали ноги медяницы, с этого времени она испытывает величайшее почтение к Пресвятой Деве] (45).

Средневековые религиозные произведения

Яркостью созданного образа Марии в средневековой религиозной литературе выделяются Ее апокрифическое жизнеописание XV в. «Пшемьское размышление» и богородичные песни. Зафиксированные в этих произведениях сравнения и именованья, связанные с природным миром, можно разделить на следующие группы:

1. Мария и цветы:

Считая **розу** символом благородства и царственности, а **лилию** — символом чистоты и непорочности, автор «Пшемьского размышления» пишет: *Jako roża między cirniem, tako kwitła miła Marja. Jako się lilja zuści nadinne kwiecie, tako się zuściła dziewica Marja między swemi wszytkiem i towarzyszkami* [Как роза среди шипов, цвела милая

Мария. Как лилия блистает среди других цветов, так и Дева Мария блистала среди всех своих подруг] (RP: 13).

Роза и лилия выступают в сравнениях также эталонами цвета: *Lice jej świeciło i było rumione jako róża z lilją* [Лик Ее сиял и был румян, как роза с лилией] (RP: 13). Роза появляется в текстах также как эталон красоты, а лилия — белизны: *Ani lilija białością, / Czerwona róża krasnością, / Ani nardus swą woniością, / Zamorski kwiat swą drogością / Maryjej się równa* [Ни лилия своей белизной, ни красная роза своей красотой, ни нарда своим благоуханием, ни заморский цветок своей ценностью с Марией не сравнятся] (Mocne Boskie tajemności, XV в.). Еще один эталон, но уже приятного запаха, в приведенном контексте — **нард**, известный в Библии по сцене помазания Иисуса миром.

2. Мария и небесные тела:

Солнце, звезды и луна в рассматриваемых произведениях — эталонные источники света: *Tyś nad słońcem jasna* [Ты светлее солнца] (Zdrowa, matko szczętna, XV в.). При этом звезды и луна выделяются на небе так же, как Мария сияет среди всех других людей: *...jako gwiazda w nocy świeci, jako miesiąc między obłoki, tak światła dziewica Marja między innymi pannami* [как звезда в ночи сияет, как месяц среди облаков, так и Дева Мария сияла среди других девушек] (RP: 13). Солнце и луна единственны в своем роде, как и Богородица.

Частотен традиционный для религиозных текстов титул *gwiazda morska* '**морская звезда**', впервые появившийся по отношению к Марии в латинском антифоне *Ave Maris Stella*, текст которого известен с VIII века. В песне «Радуйся, прекрасная королева» XV века была зафиксирована также вариация этого титула — номинация *gwiazda zamorska* '**заморская звезда**', которая призвана подчеркнуть дистанцию между людьми и Богородицей, Ее отличие и величие.

3. Мария и природа, подчиненная человеком:

Зафиксированное в «Пшемьском размышлении» именование *studnia wszej miłości* 'источник всей любви' (буквально 'колодец') не встречается в других произведениях (RP: 344). Заметим при этом, что образ колодца имеет в Библии символическую нагрузку: вода на Ближнем Востоке была ценным ресурсом и считалась символом жизни и богатства. Источник становился также местом встреч, в том числе представителей разных народов, у колодцев заключались брачные союзы. Все это находит свое отражение и в номинации *studnia miłości* 'источник любви': в любви к Богу и Марии объединяются разные народы. При этом всеохватность любви Марии соотносится с глубиной колодца.

Художественная литература XVIII–XX вв.

Значительное место занимает образ Богородицы и в польской художественной литературе. Меняясь со временем, Мария из идеализированной святой, о которой мы почти ничего не знаем, становится живой страдающей женщиной. Однако связь Ее с миром природы остается неизменной. Зафиксированные в произведениях именованья и сравнения можно разделить на следующие группы:

1. Мария и флора:

Многочисленны номинации, связывающие Богородицу с растительным миром, в сборнике **Констанции Бениславской** (1747–1806) «Песни, напеваемые себе». С ветхозаветной традицией связано именованье Марии **кипарисом и кедром**: *Tyś cypr, ale z syjońskiego sadu, cedr, lecz z Libanu* [Ты кипарис, но из Сионского сада, кедр, но из Ливана]. Согласно Библии, эти деревья использовались при возведении и украшении внутренних пространств Храма Соломона. Называя Богородицу кипарисом и кедром, автор сравнивает Ее с Храмом как с Вместилищем Бога. Вместе с тем, ливанский кедр является наиболее упоминаемым в Библии деревом, олицетворяя идею могущества.

С кипарисом связывает Мадонну и **Роман Брандштеттер** (1906–1987): *Módl się, / Madonno izraelska, / Starochrześcijańska, / Cyprysowa, / Łukaszowa* [Молись, Мадонна Израильская, Древнехристианская, Кипарисовая, Мадонна Луки] («Гимн Черной Мадонне»). Эпитет *cyprysowa* ‘кипарисовая’, выступая контекстуальным синонимом других эпитетов в этом ряду, подчеркивает древность образа и связывает его с Ветхим Заветом.

Реже Богородица сравнивается с другими деревьями. У К. Бениславской Мария именуется **явором**. С нехарактерной для природы библейских земель, но привычной читателю и почитаемой в славянских культурах **березой** сравнивает Богородицу **Теофил Ленартович** (1822–1893) в стихотворении *Stabat Mater: Jak, raniona szybkim strzałem, / Deszczem łzy wylewa brzoza, / Z takim sercem przebolełem / Stabat Mater dolorosa* [Как раненная быстрым выстрелом береза льет слезы дождем, с такой болью в сердце *Stabat Mater dolorosa* (т. е. стояла Матерь, полная горя)].

Античная символика проявляется в сборнике К. Бениславской в именовании **Laurze niezwiędły po zwycięstwie w boju** ‘лавр, не увядший после победы в бою’. Лавровый венок, символ триумфа и чистоты, в христианском искусстве часто украшает головы мучеников. В сборнике поэтессы встретилось также именованье *Oliwo pokoju* ‘Олива мира’.

Как и для средневековой религиозной литературы, для художественных произведений характерны сравнения Девы Марии с цветами, особенно с **розой** и **лилией**. У К. Бениславской встречаем *Tyś wonna Lilija* ‘ароматная лилия’, *Róża-ś jest* ‘Ты роза’, *Kwiat dziwnie i kształtny, i biały* ‘цветок, удивительно изящный и белый’; у Р. Брандштеттера — сравнение: *Panno wieczorna / O głowie pięknej / Jak róża* [Вечерняя Дева с прекрасной, как роза, головой].

2. Мария и явления, наблюдаемые в небе:

Именование Богородицы **небесами** зафиксировано лишь в произведении К. Бениславской: *Tyś niebem wielkim niebios Stworzyciela* [Ты великие небеса небес Творца].

Более частотны гипонимы, связывающие Марию с объектами, наблюдаемыми в небе. **Миколай Семп Шажиньский** (ок. 1550 — ок. 1581) в стихотворении «Сонет III Пресвятой Богородице» называет Ее **zorza ranna** ‘утренняя заря’: *Ale zorzą już nam nastań raną, / Pokaż twego słońca światłość żądaną* [Но приди к нам утренней зарей, покажи желанный свет своего солнца]. Как заря предшествует восходу солнца, так и Мария предвещает приход Спасителя, даря надежду на спасение. Модификация этого титула — **Gwiazda Zaranna** ‘Утренняя Звезда’ — отмечена в стихотворениях «К Пресвятой Деве Марии. Литания» Ц.К. Норвида, «Восхищение» Т. Ленартовича и «Ченстоховская» В. Гомулицкого (1848–1919). В последнем читаем: *Ilu smutkom, ilu cieniom / Gwiazdą stajesz się zaranną!* [Для скольких печалей, для скольких теней Ты становишься утренней звездой!]. Символ утренней звезды традиционен для религиозных текстов.

Звездой правильных поступков называет Деву Марию Р. Брандштеттер — **Gwiazdo dobrego postępu** («Гимн Мадонне атома»). Как путеводная звезда, Она указывает людям правильный путь. В стихотворении «Гимн Мадонне, стоящей на моем столе» этого же автора зафиксирован эпитет **dwunastogwiazdna** ‘двенадцатизвездная’: *O matko Najświętsza, / O Dwunastogwiazdna, / Pozwól mi się łudzić* [О Пресвятая Матерь, о двенадцатизвездная, позволь мне тешить себя иллюзиями], отсылающий к Откровению Иоанна Богослова.

Большую группу составляют также сравнения с солнцем и луной. Кроме упомянутого выше сонета М. Семпа Шажиньского, такие номинации отмечены в произведениях К. Бениславской: *Tyś tak nadobna, tak piękna Panienka, jako błyskotna w poranku Jutrzeńka, jak piękny księżyc w pełnym kołowrocie, jak okazałe słońce w jednym złocie* [Ты такая красивая, такая прекрасная Дева, как сверкающий утром рассвет, как прекрасный коловрат полной луны, как величественное солнце все в золоте], а также в стихотворении «Ченстоховская»

В. Гомулицкого: *Przez posepny ciąg stuleci / Twój, jak słońce, obraz świeci* [Угрюмые столетия освещает Твой образ, как солнце].

С лучом солнца сравнивают Марию Р. Брандштеттер: *Marya lżejsza od promienia, / Która miała tylko tyle ciała, / Ile potrzeba było promieniowi, / By mógł stąpać po ziemi* [У Марии, легче луча, было столько тела, сколько нужно лучу, чтобы он мог ступать по земле] («Брак в Кане») и К.К. Бачиньский: *przejrzysta jak świt i płomień* [прозрачная, как рассвет и луч] («Молитва к Богородице»). Луч становится эталоном легкости и невесомости.

В произведениях польских поэтов появляется также образ **радуги**. Богородица именуется К. Бениславской *Tęcza przymierza* 'Радуга завета'. Называя Божию Матерь библейским символом божественного благословения, автор подчеркивает Ее роль в развитии отношений между человеком и Богом. Сравнение с радугой зафиксировано и в стихотворении Ц.К. Норвида.

3. Мария и земля:

С землей связывает Богородицу К. Бениславская, называя Ее *Ziemia obiecana* 'Земля обетованная', *Ziemia Adama błotem nieskalana* 'Земля Адама, не запятнанная грязью', *Ziemia Święta* 'Святая земля'. Эти метафорические именованья актуализируют библейскую символику: как и святую землю, приход Богородицы пророчили, на нее возлагали надежды. Кроме того, именование *Ziemia Adama błotem nieskalana* подчеркивает Ее свободу от первородного греха.

К ветхозаветным событиям отсылает в произведениях поэтессы и именование Марии **горой пророка**, *górzą u proroka*. Через Богородицу Бог явился людям так же, как и на горе Синай явился Моисею.

В стихотворении К.К. Бачиньского «Молитва к Богородице» Пресвятая Дева показана как элемент, объединяющий небо и землю: *w której ziemia jak niebo się stała* [в которой земля стала как небо]; *któraś serce jak morze rozdarła w synu ziemi i synu nieba* [Ты, которая сердце, как море, разверзла в сыне земли и сыне неба].

4. Мария и природа во взаимодействии с человеком:

В сборнике К. Бениславской отмечается номинация *Brogu pszeniczny* 'стог пшеницы', а Р. Брандштеттер в стихотворении «Гимн Черной Мадонне» называет Ее **Голубятней Евангелия**: *O Madonno, / Ptaszeczka poetko. O Madonno, / Gołębniku Ewangelii* [Мадонна, птичья поэтесса. Мадонна, Голубятня Евангелия]. Голубь считается символом Святого Духа, а Голубятня представляет собой образ вместилища Святого Духа.

5. Мария и птицы:

Традиционный для христианской культуры образ **голубки**, символа чистоты, простоты и непорочности, зафиксирован в произведениях К. Бениславской: *Otwórz mi, otwórz, moja gołębico!* [Открой мне, открой, моя голубка].

С птицами связывает Марию и Р. Брандштеттер: *Dzieweczka / O czole z błękitu, / O spojrzeniu utkanym z ptaszęcych świergotów* [Дева с лазурным челом и **взглядом, сотканным из птичьего щебета**], делая Ее образ легким и воздушным.

Итак, произведения польской литературы демонстрируют преемственность традиции: с древнейших времен прослеживается многогранность образа Богородицы, сочетание религиозных и мифологических мотивов, что проявляется в выборе Ее номинаций. Не теряя религиозного наполнения, благодаря мотивам природы образ усложняется новыми смыслами. На первый план в именовании выступают коннотативные семы лексем: выделяется чистота, красота и могущество Марии, образу придается национальный колорит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СДЭС — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
2. *Benisławska K.* Pieśni sobie śpiewane. Warszawa, 2000.
3. *Brandstaetter R.* Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa, 1988.
4. *Brückner A.* Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków, 1907.
5. *Gawalewicz M., Stachiewicz P.* Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej. Warszawa, 1894.
6. *Niedźwiedz A.* Obraz i postać. Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej. Kraków, 2005.
7. Słownik stereotypów i symboli ludowych. Т. 1, cz. 2. Kosmos: ziemia, woda, podziemie / red. J. Bartmiński. Lublin, 1999.

REFERENCES

1. SDES — Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. Т. 1 [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Vol. 1]. Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1995.
2. *Benisławska K.* Pieśni sobie śpiewane. Warszawa, *IBL*, 2000.
3. *Brandstaetter R.* Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa, *Instytut Wydawniczy Pax*, 1988.
4. *Brückner A.* Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków, *Akad. Umiejętności*, 1907.
5. *Gawalewicz M., Stachiewicz P.* Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej. Warszawa, *Nakład Gebethnera i Wolffa*, 1894.
6. *Niedźwiedz A.* Obraz i postać. Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej. Kraków, *Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 2005.

7. Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. 1, cz. 2. Kosmos: ziemia, woda, podziemie / red. J. Bartmiński. Lublin, Wyd. UMCS, 1999.

Поступила в редакцию 12.01.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 12.01.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Румянцева Ольга Сергеевна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; o.rumiantceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Rumyantseva — Ph. D. Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; o.rumiantceva@yandex.ru